

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА В ГУБЕРНСКИХ КОМИТЕТАХ ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН

Репинецкий Станислав Александрович

В 1858 – 1859 гг. во всех губернских городах крепостнических регионов Российской империи работали дворянские «Комитеты по улучшению быта помещичьих крестьян». На заседавших в них выборных представителей помещиков и назначенных «членов от правительства» была возложена задача выработки проектов крестьянской реформы с учётом местной специфики. Эти комитеты стали первыми выборными представительными органами, участвовавшими в разработке общегосударственного законодательства в истории императорской России (Уложенную Комиссию можно не учитывать, поскольку она имела чисто совещательные функции и не смогла выработать нового законодательства).

Пониманию работы комитетов как первого опыта парламентаризма для российского поместного дворянства способствует ряд обстоятельств. Во-первых, открытие комитетов фактически открыло Эпоху Великих Реформ (как хронологически, так и психологически), приведших в числе прочего к созданию земств – постоянно действующих и уже не только дворянских выборных органов местного самоуправления. Комитеты, в некоторой степени, можно считать их прообразами. Во-вторых, сами члены комитетов и многие их современники при их описании употребляли специфически парламентские термины: «парламент», «партия» [см. напр.: 26; 2: 103.3.2004.5-9; 103.3.2007.2; 103.3.2018.14-16; 103.3.2026.16-21] и др., несмотря на то, что официально эти термины не использовались. Это указывает на восприятие комитетов именно в качестве прообразов парламента.

Изучая фонды указанных комитетов (протоколы заседаний и сопутствующие документы), можно видеть настроение помещиков, их

политические и экономические взгляды и программы, их теоретическую и практическую подготовку к переходу на новую систему аграрных отношений, а так же и к другим преобразованиям, как совершившимся в последствии (например, введению земств в качестве органов местного самоуправления), так и бесплодно требуемым в течение длительного времени (например, созданию парламента).

В связи с этим не вызывает удивления факт довольно значительного количества научных исследований, затрагивающих в большей или меньшей степени деятельность губернских комитетов. Однако большинство исследований выполнено на материале какого-либо одного региона без серьёзного изучения исторического фона и параллельных процессов в других частях страны и в основном делают акцент на дальней истории самоуправления после образования земских учреждений [13; 28]. Материалы губернских комитетов используются историками, как правило, в исследованиях о жизни деятельности работавших в этих органах персонажей общенациональной значимости, таких как А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, А.М. Унковский и др. [18; 21; 32] Значительная часть губернских комитетов пока остаётся за пределами интересов историков.

1. Противоречия в работе Губернских комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян

В виду обширности историографии крестьянской реформы, мы не будем останавливаться подробно на хорошо известных историкам сведениях о деятельности губернских комитетов, а лишь обозначим основные моменты, дополнив их некоторыми мало известными штрихами из первоисточников. Характеристику рассматриваемых структур уместно начать со слов А.А. Корнилова – автора обобщающих и специализированных трудов по истории крестьянской реформы и истории России XIX века в целом, достаточно полно обозначивших историческое значение и стартовые условия

деятельности губернских дворянских комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян.

«Работа этих губернских комитетов и составила первое крупное звено в ходе разработки крестьянской реформы, давшей, в конце концов, положительные результаты. В состав губернских комитетов дворянство каждого уезда выбирало по два члена, и сверх того правительство назначало в каждый комитет для защиты крестьянских интересов по два члена из числа местных помещиков, известных своим сочувственным отношением к освобождению крестьян. В большей части губернских комитетов тотчас же по их открытии прежде всего явились различные попытки так или иначе внести то или другое изменение, хотя бы при помощи распространительного толкования, в программу, которая преподана была рескриптами. Зависело это от того, как я уже говорил, что программа эта не соответствовала экономическим условиям, существовавшим в различных губерниях, и не удовлетворила вполне ни одного губернского комитета». [12, с. 213]

Далее Корнилов достаточно полно и емко описывает ход работ в комитетах: они проходили с разной скоростью и осложнялись борьбой различных группировок – как правило, большинства крепостников с меньшинством сторонников освобождения крестьян с землей и без тотального ограбления в форме завышенных выкупных платежей. В некоторых комитетах преобладала партия эмансипаторов. Частная переписка участников событий и их близких друзей показывает существенные перемены в настроении сторонников реформы. Возвратившийся из ссылки М.М. Нарышкин писал в феврале 1858 г. Е.П. Оболенскому, преисполненный самого радужного настроения: "Да, мой друг, я совершенно с тобой согласен, что настала минута, когда русское дворянство должно доказать свою любовь к Государю и Отечеству, сердечное сочувствие к народу и добросовестно устроить новые отношения между помещиками и крестьянами – от этой добросовестности будет зависеть будущее России. Итак, испросив

благословение Божие, будем ожидать плодов предстоящих занятий Котетов, которым предстоит работа немалая". [14, 79]

Постепенно, сталкиваясь с нарастающим сопротивлением со стороны крепостников и правительства, представители "реформаторских меньшинств" комитетов приходят к все более негативной оценке состояния общества и государства и готовящихся преобразований. Например, тот же Нарышкин годом позже писал своему другу Оболенскому в совсем ином тоне: "И мудрено согласовать столь разнородных мнений; мы еще не привыкли хладнокровно защищать свои мнения, мало у нас терпимости, и, вообще, мы большие дети, требующие еще политического воспитания". Но даже автор этих слов признавал: несмотря на то, «что общественное мнение не довольно созрело и озабочено новизной положения», «во многих заметно искреннее желание содействовать великому и священному делу освобождения крестьян» [14, 85 и 124].

Сходные мысли высказывал предводитель тверского дворянства и председатель местного комитета А.М. Унковский, который, может быть, был одним из наиболее последовательных сторонников полного освобождения крестьян и в наибольшей степени пострадал за свои взгляды (был арестован и заключён в крепости) так описывал борьбу интересов среди помещиков-разработчиков реформы в письме своему первому биографу Г.А. Джаншиеву в 1891 г.:

«Вы не думайте, что 13 членов, не подписавших проекта большинства, все были противниками освобождения, наделения крестьян землею. Таких, как Веревкин, Милюков и Кудрявцев, было очень мало. Большая часть их боялись только быстрого переворота в хозяйстве и не верили возможности одновременного выкупа по громадности финансовой операции, т.е. были нашими противниками по недалёковидности, словом, такими же противниками, как и члены редакционных комиссий. С ними мне приходилось так же спорить, как с Милютиным, кн. Черкасским, Самариным, Ростовцевым, Я. И. Соловьевым и др. Они не могли понять, что

одновременный выкуп всех наделов возможнее и выгоднее постепенного, между тем как это для меня и лиц, подписавших проект большинства, было ясно, как день, ибо, при обязательном выкупе для одних крестьян, операция должна была совершаться преимущественно в имениях, в которых крестьяне несостоятельны к платежу оброка или к погашению ссуд, вследствие чего сумма недоимок должна быть пропорционально больше к оброку, нежели при одновременном выкупе всех наделов». [19, 227.1.17]

Более оптимистично смотрели на свое дело члены от правительства – они чувствовали за собой поддержку государственной власти. С мнением Ю.Ф. Самарина мы познакомимся далее, а например, другой бывший декабрист М.А. Назимов из Пскова писал в Тулу в конце 1858 г.: "Удивляюсь, чо так долго возится ваш комитет с внутренним устройством своим. У нас так все сведения, справки с законами, план занятий и самый порядок производства дел " [14, 121]. Можно предположить, что настроение членов того же комитета, не стоявших на стороне правительства, было далеко не столь радужным – все решалось фактически без их участия.

Взаимоотношения комитетов с местными властями тоже складывались по-разному. Усилия министерства внутренних дел и подчинённых им губернаторов и других местных чиновников, как правило, направлялись на то, чтобы принудить комитеты к следованию в русле правительственных планов и задач реформы, но при этом сохранить иллюзию добровольного соучастия дворян в деле преобразований. Например, как будет показано в дальнейшем, в Рязани, Самаре и Туле чиновники активно заступались за проправительственно настроенных членов комитетов. При этом случались различные метаморфозы и действующие лица разыгрывавшейся политической драмы далеко не всегда следовали предписанным им ролям, на что влияли, как коррупционные явления, так и их личные убеждения.

Характерная ситуация (относящийся, правда, уже к следующей эпохе – к весне 1861 г., но нередкая и на стадии обсуждения реформы) сложилась в Нижнем Новгороде – она описана в письме известному общественному

деятелю В. Коршу, перехваченном агентами Третьего отделения Его Императорского Величества канцелярии и сохранившемся в его архиве: «В Нижнем идет теперь война на смерть между губернатором и нижегород[ским] дворянством, которое требует розги и налоги для крестьян и которое поддерживается кн[язем] Шаховским, присланным сюда для содействия губернатору» [2, 109.3.2106.5]. Материалы перлюстрации писем и агентурные донесения так же представляют собой достаточно важный источник при изучении общественно-политического развития России и её регионов.

Несмотря на крайне отрицательное отношение правительства к установлению контактов между комитетами (чиновники опасались создания широкоо оппозиционного фронта), многие из них достаточно успешно действовали в этом направлении. В разработке основных «начал» реформы лидеры тверского комитета пытались координировать свою работу с коллегами из других губерний – сохранились документы об обмене данными и деловой переписке с губернскими предводителями из Смоленска, Новгорода, Ярославля, Владимира, Вологды. Даже предводитель достаточно отдалённого Казанского комитета сообщил А.М. Унковскому, что даёт своё согласие на рассмотрение «обзора оснований вашего комитета» [4, 645.1.3767.1-51]. Правда, это не было чем-то уникальным, хотя официально и запрещалось: например, Рязанский комитет тоже сразу по открытию установил связи с владимирскими и воронежскими коллегами [1, 898.1.1.164-173].

Столь же по разному складывалась ситуация и в отношении связей комитета с общественностью своей губернии: с переменным успехом сталкивались мнения сторонников и противников гласности и публичности заседаний, публикации отчётов и протоколов в прессе и допуска на собрания комитета посторонних слушателей. Достаточно традиционной была ситуация, сложившаяся в Тульском комитете, который, по словам очевидца,

«отвергнул гласность, не допускает нас послушать их , предполагаю, умных речей, и мы должны довольствоваться слухами» [14, 117].

Историками давно было отмечено, что сформировалось фактически два варианта критики правительственных проектов и постановлений – с позиций помещиков преимущественно сельскохозяйственных и преимущественно промышленных губерний. Унковский и его соратники стали выразителями интересов дворян-реформаторов промышленных губерний, к которым относились и все комитеты, установившие контакты с тверскими коллегами [12, с. 210-215]. Материалы частной переписки показывают со всей очевидностью, что тверской проект, как наиболее полный и последовательный среди всех местных положений, ходил по рукам в разных регионах далеко за пределами своей экономической зоны, а обмен идеями и материалами между наиболее активными членами комитетов был обычным явлением [14, 119].

2. «Особое мнение» как политический акт и исторический источник

Важным и интересным источником для изучения политической расстановки сил в стране являются особые мнения членов дворянских комитетов. Подача особого мнения являлась официально фиксируемым политическим выступлением на местном уровне. Ещё одно важное достоинство данного источника – возможность применить к нему статистические методы. С их помощью, попытаемся ответить на ряд вопросов, связанных с работой этого органа. Для сравнения взяты материалы четырёх комитетов: Рязанского, Самарского, Тверского и Тульского. Они располагались в различных этно-географических и социально-экономических регионах, что нашло отражение и в законодательстве реформы: губернии были отнесены к различным «полосам».

Самарский комитет работал в степной ново освоенной губернии с преобладанием государственных крестьян, которая была поделена между степной и чернозёмной полосами. Тверской комитет находился в

центральном районе с многочисленными имениями и древними традициями феодального землевладения, губерния целиком попала в нечернозёмную полосу. Рязанская и Тульская губернии были отнесены к чернозёмной и нечернозёмной полосам и так же, как и Тверская, имели развитые крепостнические традиции и располагались вблизи Москвы, но, в отличие от неё, там в структуре занятости крестьян полностью доминировало сельское хозяйство.

Во всех комитетах были более или менее сформировавшиеся «фракции» или «партии» с ярко выраженными лидерами. В Самарском, Рязанском и Тульском комитетах крепостническому большинству во главе с помещиками Ф.С. Офросимовым (Рязань), И.П. Рычковым и Б.П. Обуховым (Самара), противостояло меньшинство, сплочённое вокруг членов от правительства славянофилов Ю.Ф. Самарина (Самара), князя В.А. Черкасского (Тула), Д.Ф. Самарина и А.И. Кошелева (Рязань) [2, 109.3.2026; 20, с. 310 – 315; 22]. В Тверском комитете сложилось либеральное большинство, которое возглавил местный выдвиженец А.М. Унковский. В других рассматриваемых нами комитетах либералы практически отсутствовали (учитывая, что славянофилы являлись представителями российского традиционализма или даже консерватизма [10, с. 358; 15; 23, с. 16, 62; 33, с. 48 – 50; 34]).

Интересно отметить, что, как в Твери, так и в Самаре, интересы «дела эмансипации» защищались, главным образом, ярким лидером и двумя его соратниками: в Твери это были А.М. Унковский, А.А. Головачёв и А.И. Европеус [13, с. 45 – 75], а в Самаре – Ю.Ф. Самарин, Д.Н. Рычков и А.А. Шишков [18, с. 110]. Всё это в очередной раз указывает на попытки самоорганизации «прото-фракций» внутри комитетов.

В Самаре, Твери и Рязани администрация занимала относительно либеральные позиции: К.К. Грот был Самарским губернатором и указывал в частной переписке, что при паритете «партий» в комитете, благодаря Самарину, успех у «благомыслящих», то есть разделяющих правительственный курс на освобождение крестьян [2, 109.3.2026.16-18].

известный писатель М.Е. Салтыков-Щедрин работал вице-губернатором и фактически управлял всеми делами сначала в Рязани, а затем в Твери. Он сообщал, что в Рязани ему приходилось заниматься «практикой либерализма в капище антилиберализма». Для того чтобы в Твери не сложилась аналогичная ситуация, Салтыков посодействовал возвращению Унковского и Европеуса из кратковременной ссылки [13, с. 62 – 63].

Определенный интерес представляет выяснение тематики особых мнений, то есть основных направлений развертывавшихся в комитетах дискуссий (данные приведены в Диаграмме 1). Некоторые показания статистики вполне объяснимы, исходя из известных данных о крестьянской реформе. Например, вполне понятно, что в располагавшейся между двумя столицами Твери связанные с крестьянскими промыслами вопросы вызвали живейшую дискуссию, тогда как в земледельческой Самарской губернии этому не уделяли внимания, зато там значительно активнее обсуждались состав и размеры земельных наделов крестьян.

Тульское большинство вообще смотрело на перспективы помещного дворянства крайне пессимистично и в архиве сохранилось дело по поданному особому мнению дворян Тульского уезда о необеспеченном положении дворянства после реформы. Единственный выход, который помещики смогли предложить устами коллежского асессора И.А. Пушкина – это перевод долгов, лежащих на дворянских имениях, на крестьянский надел. Для более детального рассмотрения помощи себе помещики предлагали учредить специальную комиссию [5, 39.1.184-196].

Рязанские помещики-крепостники были в большинстве и, по всей видимости, чувствовали силу на своей стороне, поэтому не создавали столь панических документов. Наоборот – сторонники освобождения крестьян были столь неуверенны в благополучном исходе дела, что отпускали своих людей в «свободные хлебопашцы» уже в период подготовки реформы, не дожидаясь её результатов [1, 99.448]. Надо отметить, что саму реформу, как в Рязани, так и в России в целом, воспринимали именно как перевод всех

крепостных в состояние свободных хлебопашцев [1, 898.1.25; 11, 563; 17, 2; 27, 289; 30, 216]. Попытки совершить то же самое индивидуально в период подготовки всеобщего преобразования указывают на глубокое недоверие исполнителям предстоящей реформы.

Тогда как в Твери и Туле помещики были озабочены, прежде всего, определением стоимости земли (то есть тем, за сколько можно продать крестьянам малопродуктивные наделы и поправить, таким образом, свое финансовое положение), самарцы уделяли много внимания организации обязательного труда пореформенных крестьян. В губернии, где именно земля составляла главную ценность, помещики категорически отказывались расставаться с даровой рабочей силой, веками обеспечивавшей ее обработку и основной доход имений. Разрабатывались проекты сохранения барщины и перехода на новую систему обязательного труда, получившую название «отрабочной».

Например, некоторые тульские помещики так же были озабочены своевременным получением достаточного количества денежных средств в ходе выкупной операции, в связи с чем дворянство Богородицкого и Ефремовского уездов, барон Нольде и граф Бобринский выступили с требованиями обязательного немедленного выкупа крестьянами своих наделов по «полной рыночной стоимости» [5, 39.1.190-193]. В то же время в рязанском комитете был составлен проект пронского дворянства, подразумевавший растягивание выкупной операции на 12 лет [1, 898.1.25].

Возможно, появившееся в той же губернии прошение помещиков А.Л. Гурко и Н.Н. Веревкина отпустить своих крестьян в свободные хлебопашцы [1, 99.448] объясняется их опасением не за то, что крестьяне не будут освобождены, как мы предполагали ранее, а за то, что при их освобождении помещики не получают компенсации. Как известно, уходя в свободные хлебопашцы, крестьяне обязаны были заплатить произвольно назначенную сумму, что некоторыми дворянами могло расцениваться как достаточно выгодный вариант.

Большой интерес представляет значительное превалирование количества особых мнений тверских помещиков по общим вопросам (о сути и целях реформы – зачастую сочинения так и были озаглавлены: "Об улучшении быта помещичьих крестьян"). Тон в комитете задавали А.М. Унковский и его соратники, отличавшиеся максимальной широтой взгляда на реформу. Свой проект освобождения крестьян они фактически превратили в программу комплексных преобразований общественно-экономических отношений. Такого рода деятельность тверского большинства противоречила предложенной правительством узкой направленности занятий комитетов и выходила далеко за рамки отведённых комитету полномочий, поэтому противники либерального большинства – именно от них в основном исходили особые мнения по общим вопросам – могли возражать его представителям по существу, позиционируя себя в качестве благонамеренных (настроенных проправительственно) подданных – излюбленная позиция консерваторов и крепостников.

В Самаре ситуация была совершенно иной. Самарин отражал правительственную программу, и возражать ему по общим вопросам было сложно и опасно. Сами самарские крепостники только пытались зацепиться за милые их сердцу хозяйственные формы (отстаивали барщину против оброка, отработки, полномочия помещиков и т.п.) и не выдвигали никакой широкой программы, поэтому споры в комитете сосредоточились на конкретных вопросах. При этом самарских консерваторов очень заботила судьба мелкопоместных дворян: хотя они к таковым не относились, по этому поводу было подано сравнительно большое число особых мнений. Этому тоже есть логическое объяснение.

Мелкопоместные дворяне практически при любом варианте реализации реформы составляли группу наибольшего риска среди помещиков: именно для них угроза разорения в случае выгодных крестьянам преобразований была наиболее сильна. По этой причине, апеллируя к тяжелым последствиям реформы для мелкопоместных дворян (самой уязвимой группы

душевладельцев), можно было наиболее эффективно защищать интересы класса помещиков в целом. Консервативно-крепостническое большинство самарского комитета – в виду отсутствия более удобных поводов для нападения на наиболее прогрессивные проекты (как это реализовывалось в Твери) – использовали лозунг защиты справедливости и человеколюбия в отношении мелкопоместных дворян для защиты своих собственных и в целом помещичьих интересов и сведения к минимуму уступок крестьянам.

Тульское дворянство тоже, хотя и с запозданием (ниже указанные документы датированы 1861 годом и составлены после обнародования Актов реформы), довольно активно выступило по вопросам, далеко выходящим за круг предложенных им правительством. Например, П.А. Чижов потребовал учреждение общей редакционной комиссии для пересмотра свода законов (ряд дворян подписали это предложение), а дворянство Крапивинского, Каширского и несколько представителей других уездов ходатайствовали о «составлении комиссии из выборных лиц для проектов новых законоположений». Некоторые помещики пытались скоординироваться, оставаясь в рамках закона: сохранилось архивное дело по поводу письма помещика Соболева о распространении изданного им руководства к составлению уставных грамот между дворянами Тульской губернии [5, 39.1.185-194].

Другой интересной проблемой, на наш взгляд, является сравнение активности отдельных членов комитетов и их групп (данные приведены в Диаграммах 2 и 3). В обоих комитетах около двух третей всех поданных особых мнений приходилось на группу наиболее активных авторов, каждый из которых подавал от 9 до 20 % особых мнений. Однако в поведении членов этой групп наблюдалась существенная разница. Во-первых, если на долю лидеров активности самарского комитета единомышленников Ю. Самарина и С. Шелашникова приходилось 20 и 18 % особых мнений соответственно, то самые активные тверичи – В. Змеев и А. Унковский – являлись авторами только 11 и 9 % сочинений. Во-вторых, группа наиболее активных авторов в

Твери состояла из 7 человек (за одним числится 11 % особых мнений, остальные составили по 9 % каждый), а в Самаре – из четырех представителей сторонников эмансипации, постоянно возражавших крепостническому большинству (Юрий Самарин, Степан Шелашников, Дмитрий Рычков и Александр Шишков).

Иллюстрацией к этой статистике может быть письмо Самарина И.С. Аксакову в Москву 12 октября 1858 года, где он признавался: «Еженедельно я пишу около 6-7 листов протестов и отдельных мнений». Юрий Федорович работал на большом душевном подъеме и отмечал в письме Николаю Милютину за день до того: «Тяжело и в тоже время лучше в тысячу раз лучше прежней спячки, тишины и неподвижности» [2, 109.3.2026.14-15].

Группа средней активности (авторы 4 – 8 % особых мнений) в Самарской губернии оказалась гораздо активнее: таких членов комитета было 7 и в совокупности на их долю приходилось треть всех особых мнений. В Твери показатели были вдвое ниже: в группу средней активности попали лишь трое членов комитета и на их долю приходилось 15 % всех особых мнений. Объяснить это можно тем, что в Самаре сложилась оппозиционная партия, каждый член которой старался внести свою лепту. Самарин, в частности, сообщал Н.А. Милютину, что его сторонников в комитете «четверо против 11 или 12» [2, 109.3.2026.14]. В Твери же большинство членов остались в тени своих лидеров, зато 9 членов тверского комитета сочли нужным подать по одному особому мнению, то есть около 2 % в совокупности. В самарском комитете таких случаев было всего 2.

Таким образом, статистика подаваемых особых мнений в рассмотренных комитетах по улучшению быта помещичьих крестьян позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, её данные вполне подтверждают известные в исторической науке положения об активности ряда деятелей и различиях в работе комитетов разных регионов и природных зон. Во-вторых, они показывают, что подавляющее большинство членов комитетов (то есть, фактически, дворянских депутатов) активно участвовали в обсуждении

целого комплекса вопросов: от местных хозяйственных до общегосударственных социально-политических. Помещики так же продемонстрировали способность довольно быстро сформировать «протопартии» с активными и авторитетными лидерами, не боящимися брать на себя ответственность и обладающими незаурядными интеллектуальными навыками и умением вести дискуссию, отстаивая свои позиции.

Споры в комитетах нередко проходили довольно остро. Наиболее ожесточёнными стали политические баталии в Самаре и Рязани: в обоих городах оппоненты сначала писали адреса и письма друг против друга вышестоящим инстанциям (это довольно часто происходило и в других губерниях, Тверскую, например, в столице так и прозвали – «адресный стол» [13, с. 75]), а затем перешли к более резким мерам. Тульский комитет, по свидетельству участника событий М.М. Нарышкна, к началу 1859 года "внес свои раздоры в дворянское собрание и ничего путного еще не сделал" [14, 124]. В итоге в Рязани дошло до рукоприкладства [1, 99.422] и скандала с участием Министра внутренних дел С.С. Ланского [22, с. 105], а в Самаре едва не привело к дуэли; есть свидетельства, что и там имели место «драки в комитете» (сложно понять, сказано это в прямом смысле или фигурально) [2, 109.3.2026.20]. Нельзя удержаться от аналогии между такими случаями и традиционными выяснениями отношений среди думных бояр, таскавших друг друга за бороды, или поведением некоторых депутатов Государственной Думы в 90-ые годы XX века.

3. Хозяйственный опыт в законосовещательной практике комитетов

Владея каждый своим имением, депутаты от помещиков использовали опыт ведения своего хозяйства при разработке и обсуждении проектов реформы. Можно предполагать, что, по крайней мере, на подсознательном уровне, этот опыт учитывался и использовался во всей совокупности помещичьего аболиционистского дискурса. Предметом же данного исследования стали открытые обращения либерально настроенных

помещиков к собственному хозяйственному опыту в различных источниках: публицистике, «записках», частной переписке. Попробуем классифицировать случаи такого рода.

1. Доказательство преимуществ частного землепользования.

В частной переписке встречаются свидетельства экспериментов помещиков над общиной и их умозаключения об этом институте. Например, в письме Н. Свербеева из Новосила Тульской губернии князю Ф. М. Дмитриеву в Москву от 17 июня 1860 г. говорилось: «Наши крестьяне вот до чего дики: они ежегодно делили между собой поля, и потому никто не хотел их удабривать, боясь, что труд пропадет, и поле достанется от хорошего хозяина ленивому. Я запретил этот дележ, и они оказались очень этим довольны, а кто мешал им изменить глупый порядок, который, между прочим, свидетельствует о всей невыгодности общинного владения» [2, 109.3.1941.1].

Д.Д. Неелов (член Смоленского комитета от правительства, затем руководитель департамента Министерства государственных имуществ), например, описал в своей статье проведённый в собственном имении эксперимент. Он дал своим крестьянам на выбор личное или общинное владение и те выбрали личное. Староста, аргументируя свою позицию, заявил помещику и на сходке: «тогда можно лучше видеть, как кто работает» [16, с. 235]. Свой личный опыт хозяйствования использовал и помещик А. Савельев. Он отметил, что его «зажиточные крестьяне» в тех имениях, где ещё сохранялось общинное владение с регулярными переделами земли, перестали унавоживать поля и рыть канавы, а наоборот сбывают свой навоз священнику и урожайность от этого страдает [26, с. 1158].

2. Отстаивание общинного владения.

Другие помещики при аналогичных экспериментах получали противоположные результаты. Результаты сельскохозяйственных опытов в своём и своих единомышленников имениях часто публиковал А.И. Кошелев. Ф. Смирнов писал: «я сам в своих имениях неоднократно предлагал переход

к личному поземельному владению, и всегда получал возражения с их (наших поселян) стороны» [29, с. 11]. Известный составитель толкового словаря В.И. Даль уверял в своей записке, что «сами мужики ходят теперь ко мне с одной только просьбой: чтобы все было по старому», имея в виду его помещичье управление и господство общинных порядков [7, с. 3].

Председатель тверского комитета А.М. Унковский, поддерживая общину в целом, переходя к частным практическим вопросам, отмечал, например, «невозможность правильного лесного хозяйства при общинном владении землею». Далее он пишет: «Судя по опыту, можно сказать с достоверностью, что леса, отводимые крестьянам, будут уничтожены в продолжении 2, 3 лет» [31, с. 111].

3. Исследования характера крестьян.

Н. Берг из Тамбовской губернии писал в 1858 г. о русских деревнях: «Сон и лень крепко схватили эти страны, и кроме того, примешивается какое-то негодяйство, свойственное всякому невежеству». Единственное, в чём народ всегда проявлял инициативу – это воровство, на которое «все так же зудят у мужика руки». Высказывания о народном характере отличаются негативными оценками: «Об руку с бараньим смирением идет множество дурных свойств, и тут же, под спудом, что-то копошится не совсем простое и обыкновенное» и «Огорчили меня мужики: это сущие дети в настоящую минуту, которых нельзя оставить без гувернера на самое короткое время». Автор резюмирует свои взгляды на крестьян таким образом: «Самое лучше поведение с мужиком, как вообще с диким: показывать, что его не трусишь, везде ходить и возвышать голос. Я лютый враг самоуправства, а здесь все на нем зиждется». Прогноз автора тоже мало оптимистичен: «русский мужик не кровожаден и в своих революционных замашках, но господским садам и плетням может крепко достаться, если помещики не примут мер и засядут в какие-нибудь укрепленные замки со своими револьверами!» [2, 109.3.1939.1-13].

Г. Арапов (пензенский предводитель дворянства) полагал, что «воображают мужики, что вольность есть то что бы ровно ничего не делать» [2, 109.3.1959.53, 109.3.1959.96]. В том же духе выдержана записка титулярного советника И.С. Листовского, который заявил, «мужику русскому, не тронутому образованием, дорога свобода в том смысле, что он может ничего не делать, за ним нет никакого глаза; нет у него хлеба – он берет топор и становится на большую дорогу: он думает, что суда и управы ему нет – он свободен!» [2, 109.3.1952.3]. В некоторых письмах делался и прямой вывод: «легко доставшаяся свобода не пойдет впрок мужику нашему» [2, 109.3.2004.1] и после освобождения он не станет работать [2, 109.3.2021.3]. Сын известного историка В.Н. Карамзин охарактеризовал крестьян ещё более резко: «ce sont des betes brutes ou abruties» (Это грубые или глупые животные – фр.) [2, 109.3.2012.2].

4. Опасения укрепления бюрократии.

Досталось и местной администрации: один неизвестный автор, повествуя о её неспособности справиться с новой «солтычихой» восклицал: «Но, Боже мой, какая у нас гадость чиновники и офицеры!» [2, 109.3.1943.2]. Титулярный советник Листовский считал одним из главных признаков счастливого житья помещичьих крестьян их свободу от притеснений чиновников, которые постоянно вымогают взятки у государственных крестьян (на основании этого автор сделал интересный вывод: оказалось, что государственные крестьяне находятся в рабстве у чиновников, а положение помещичьих рабством назвать нельзя) [2, 109.3.1952.1-5].

В том же духе писал и М. Никитин: «если в будущие споры помещиков и крестьян будет вмешиваться земская полиция, или какие бы там ни были власти – выиграет один карман чиновников» [2, 109.3.2000.2]. Анонимный корреспондент Е.И. Елагиной даже обвинял местную администрацию в попытках «взбунтовать мужиков» [2, 109.3.2015.8]. Резюмировал опасения дворян председатель тверского комитета А.М. Унковский: «...произвол будет господствовать по прежнему во всей его крепостной силе и перейдет только

от помещиков в руки агентов Правительства, которые будут управлять всем государством на помещичьем праве. Подобное освобождение крестьян не есть их освобождение» [8, с. 65].

5. Указания на местную специфику.

О местной специфике писали многие помещики: полтавские (Позен), тверские (Унковский), нижегородские (Даль), смоленские (Неелов и Соловьёв) и др. Приведу пример из записки предводителя дворянства Бугурусланского уезда Самарской губернии И. Рычкова. Он заявил категорически, что не может «согласиться, чтобы помещики Самарской губернии вообще, а Бугульминского и Бугурусланского уездов в особенности, могли когда-нибудь существовать при оброчных имениях». Аргументируя свою позицию, автор рассчитал на местном хозяйственном и статистическом материале, что при переходе на оброк в личном распоряжении помещика останется в среднем около 25 рублей в год, что значительно ниже прожиточного минимума [3, 341.1.3.77].

Отказ оброку в праве на существование нельзя назвать конструктивной критикой правительственной программы, а можно охарактеризовать лишь как обречённую на провал попытку зацепиться за устаревшие экономические формы. Автор не смог представить в своей записке каких-либо альтернативных форм, кроме практиковавшейся им самим барщины. Многие авторы, в частности В.И. Даль и А.М. Унковский, очень скептически относились к возможности учёта местных условий в общероссийском крестьянском законодательстве.

Попытаемся суммировать эти положения. По единственному практическому вопросу – о характере землепользования – мнения разделились примерно поровну. Проводя примерно одинаковые эксперименты, помещики получали диаметрально противоположные результаты, всегда соответствовавшие их исходным тезисам. Это и не удивительно: противники общины ориентировались на мнения крестьянской верхушки, которой была выгодна частная собственность; сторонники

общины не позволяли крестьянам попробовать альтернативных форм, а ограничивались словесным обсуждением, в ходе которого консерватизм мира всегда закономерно перевешивал. Таким образом, среди участников дискуссии не было конструктивного подхода, попытки докопаться до истины, а было лишь стремление отыскать в хозяйстве подтверждения своим идеям. Дискуссия превратилась в полемику и не дала положительных результатов.

Критика бюрократии со стороны помещиков, по всей видимости, была обоснована, однако и она практически никогда не вела к конструктивным рекомендациям по улучшению управления. Недовольство чиновниками и государственным аппаратом неизменно сводилась к идеям помещичьего контроля над деревней, которые прослеживались во многих дворянских проектах, в том числе А. Ворошилова, Д. Литта, М.П. Позена и В.И. Даля [2, 109.3.1953,1966,1973; 9, с. 197].

Апатичность в характере крестьян понималась далеко не в пользу освобождаемых: её трактовали как признак безынициативности и невежества – именно эти качества представляются как главные характеристики народа. Первое (оно, по мнению многих, было свойственно помещикам не в меньшей степени [2, 109.3.2001,2004,2012,2018,2021]) приводит авторов к мысли об угрозе развала экономики после освобождения: лишившись власти помещика, крестьянин перестанет работать! Второе указывает на то, что, если и он и захочет, то вряд ли сможет организовать свой труд правильно (даже спокойствие крестьян объяснялось их непониманием происходящего [2, 109.3.1959,1998,2012,2015,2016,2018]).

Эти положения вместе приводили к серьёзным опасениям за будущее страны. Тем более, в глазах многих авторов список недостатков крестьян и правительственных чиновников этим далеко не ограничивался. В результате вырисовывается в целом негативный настрой помещиков накануне реформы: в их сознании существовало жёсткое противопоставление дворянства с одной стороны и крестьянства и правительства с другой; результаты реформы

виделись в негативном свете; дворянский дискурс был полон катастрофических предчувствий.

Таким образом, можно выделить несколько признаков соответствия деятельности комитетов работе классических выборных органов управления:

1. Комитеты выполнили поставленную перед ними задачу и осуществили рассмотрение всех пунктов предложенной программы, составив свои проекты – ни в одном комитете работа не была сорвана, а все формы протеста укладывались в рамки «комитетской» деятельности, не носили характера обструкции. Поместное дворянство «приняло» и поддержало делом идею представительного органа.

2. В большинстве комитетов (в том числе во всех рассмотренных выше) помещики смогли самостоятельно организовать фракции, выдвинуть своих лидеров, определить теоретические и практические платформы, сформулировать и артикулировать свои требования в виде развёрнутых законопроектов. В большинстве комитетов появились проекты большинства и меньшинства (так было в Туле [5, 39.1.182-183], а в Рязани подали сразу 3 проекта: большинства и от двух «меньшинств» [25, с. 106]), а так же ряд индивидуальных проектов (например, проект Ю.Ф. Самарина).

Есть основания полагать, что в случае реализации предложенной многими делегатами идеи созыва «общероссийского учредительного органа» (такие предложения, в частности звучали в Твери и Туле [5, 39.1.185,194; 30, с. 38]), он смог бы функционировать как полноценный парламент со своими фракциями и способностью выдвигать законопроекты, вести прения и т.д. Депутаты продемонстрировали полную готовность к такой работе.

3. Обращаясь к содержательной стороне проектов комитетов, следует отметить, что при всех оговорках и искажениях, вызванных новизной такого вида деятельности для помещиков и их стремлением защитить свои частные или групповые интересы, дворянство

продemonстрировало способность к квалифицированному законотворчеству в составе коллектива выборных представителей.

4. Острые конфликты и обилие «особых мнений» в ряде комитетов указывают, насколько небезразлична стала эта работа значительному числу депутатов, как серьёзно и близко к сердцу воспринимали они свою миссию, какие большие надежды возлагали на свой вклад в общее дело.

Всё это вполне позволяет утверждать, что поместное дворянство при всех своих проблемах, обусловленных и недостатками образования, и вынужденным «тридцатилетним молчанием», было уже вполне готово к принятию на себя роли одного из субъектов реформаторского процесса и государственной политики. Тем сильнее было их разочарование отказом правительства в этой возможности и сведением их роли к решению мало значимых вопросов местного значения в составе земств. Реакцией на невозможность выполнить своё политическое предназначение стало разделение дворянства на 3 «группы протеста» против государственной политики, которые начали обозначаться ещё до реформы 1861 года и формироваться внутри комитетов:

1. Консерваторы, считавшие, что нет смысла в реформах, навязанных дворянству и проводимых без учёта его мнения и интересов – такова была позиция крепостнического большинства самарского и консервативного меньшинства тверского комитетов.

2. Оппозиционеров, видевших перспективы преобразований значительно дальше и шире ограниченных правительственных реформ и разочаровавшихся, в конце концов, в реформаторском потенциале существующей государственности – к этой группе относились единомышленники А.М. Унковского в Твери и по всей стране.

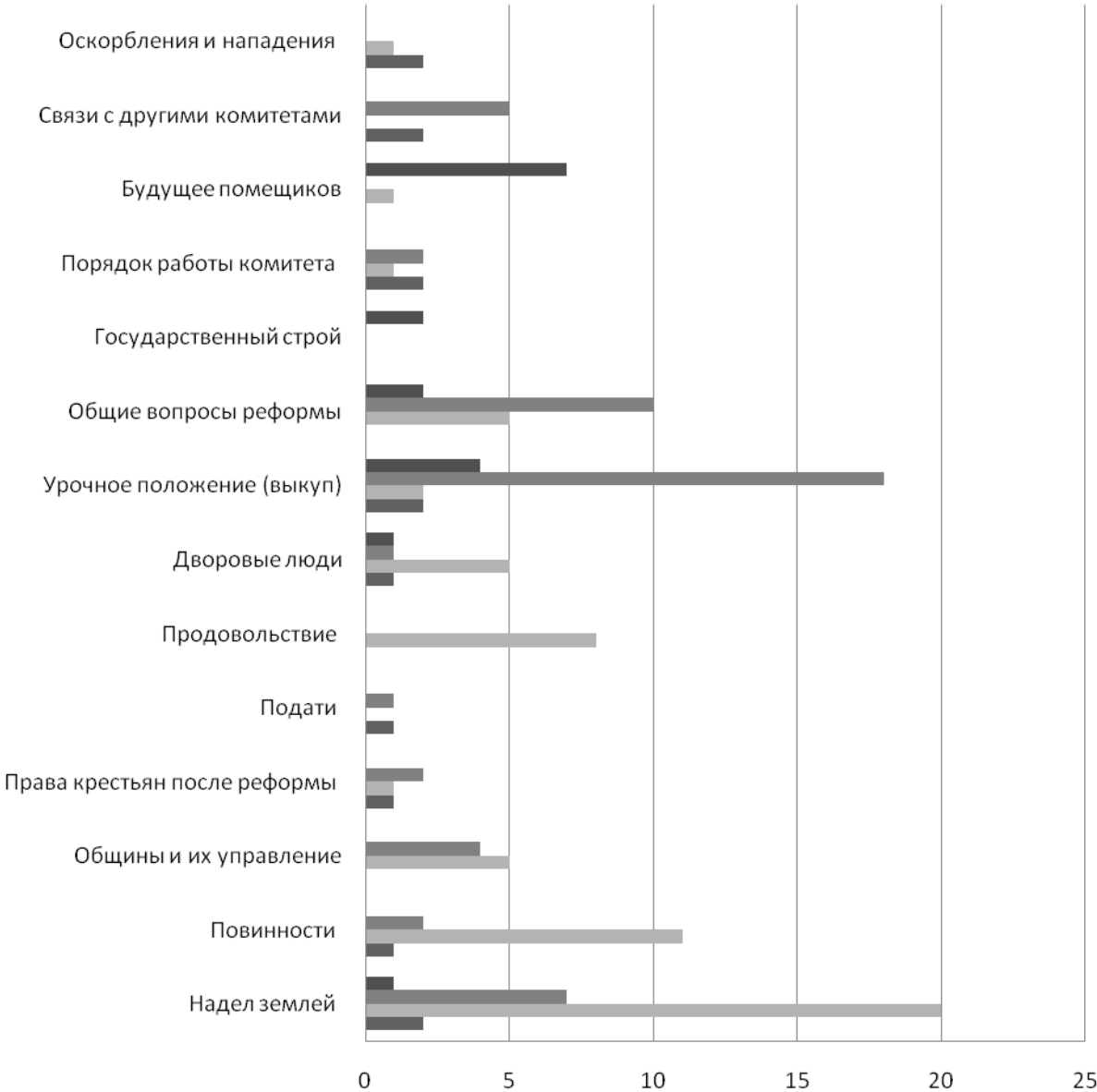
3. «Деграданты» – помещики, не понявшие и не принявшие происходящих общественно-экономических преобразований и изменений и потерявшие свои позиции: эти люди не оставили своего следа в истории, поэтому их сложно назвать поимённо, но таких было достаточно много и

яркими образами представителей этой группы можно считать персонажей пьесы «Вишнёвый сад». В нашем исследовании таковыми были «промолчавшие» члены комитетов, затруднившиеся продемонстрировать адекватную реакцию на происходящие в стране перемены и артикулировать свою позицию.

Дворянская альтернатива правительственной программе сводилась к максимальному расширению прав и полномочий помещиков. Именно этого добивались помещики, основываясь на опыте ведения своих хозяйств. Учитывая, что эта альтернатива звучала на фоне противопоставления помещиками себя правительству и крестьянству, на фоне бесконечной полемики между самими помещиками по практическим вопросам, вряд ли она могла бы быть реализована и тем более дать положительный результат.

Диаграмма 1.

**Особые мнения в
комитетах по улучшению
быта помещичьих крестьян**

	Надел земле й	Повин ности	Общи ны и их управ ление	Права кресть ян после рефор мы	Подат и	Прод оволь ствие	Дворо вые люди	Урочн ое поло жени е (выкуп)	Общи е вопро сы рефор мы	Госуд арств енны й строй	Поряд ок работ ы комит ета	Будущ ее помещи ков	Связи с други ми комит етами	Оскор блени я и напад ения
■ Тула	1	0	0	0	0	0	1	4	2	2	0	7	0	0
■ Тверь	7	2	4	2	1	0	1	18	10	0	2	0	5	0
■ Самара	20	11	5	1	0	8	5	2	5	0	1	1	0	1
■ Рязань	2	1	0	1	1	0	1	2	0	0	2	0	2	2

Диаграмма 2.

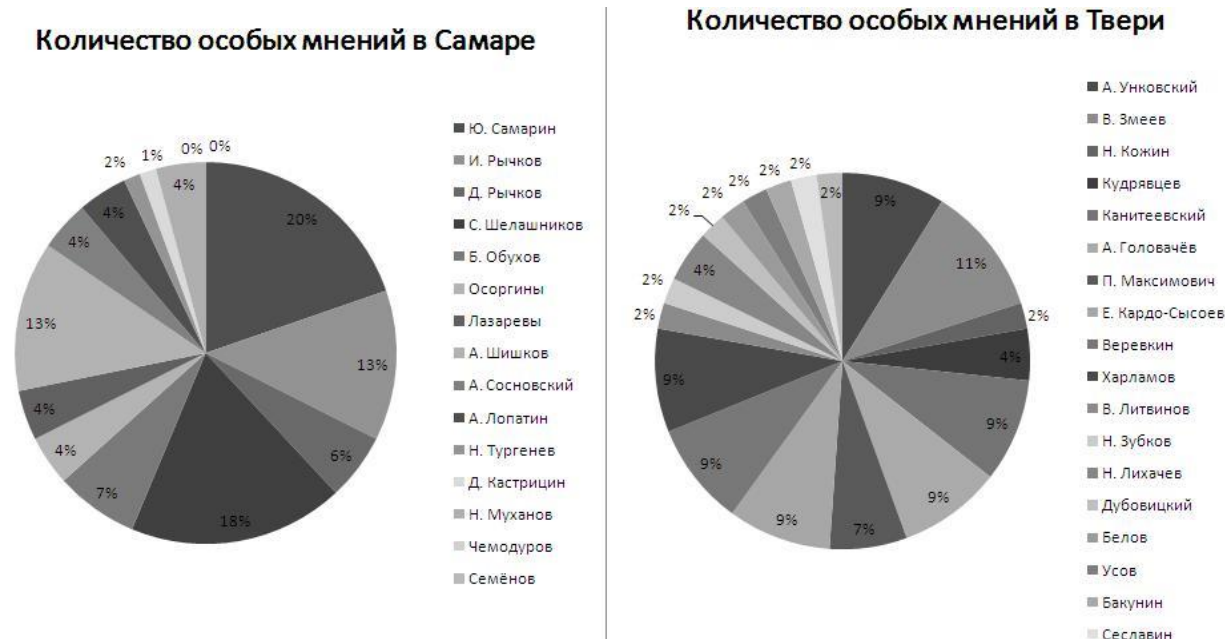
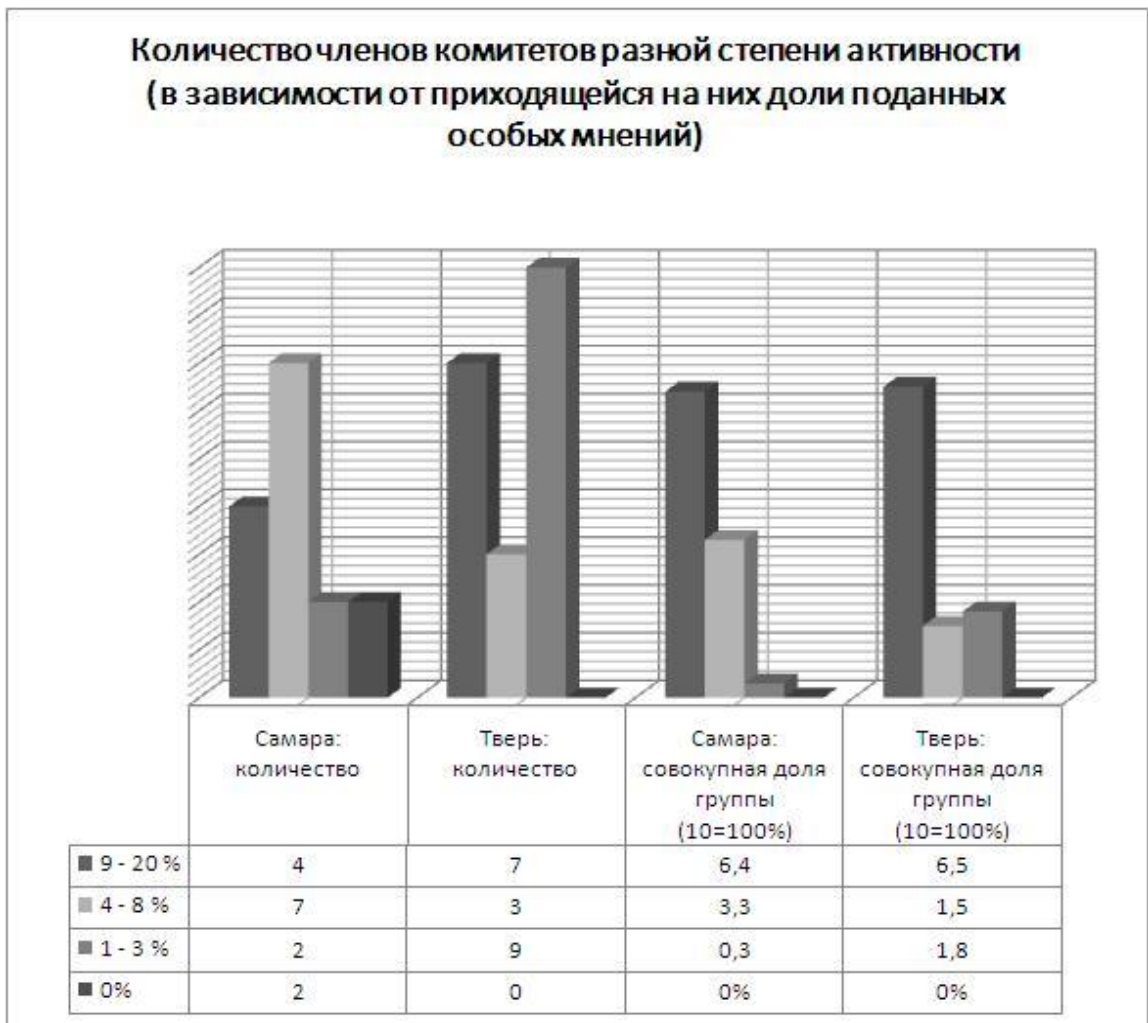

Диаграмма 3.

Список литературы

1. ГАРО, Государственный архив Рязанской области.
2. ГАРФ, Государственный архив Российской Федерации.
3. ГАСО, Государственный архив Самарской области.
4. ГАТО, Государственный архив Тверской области.
5. ГАУТО ГА, Главное архивное управление Тульской области, Государственный архив.
6. РГИА, Российский государственный исторический архив.
7. Ворошилов А. Об отмене обязательного труда. // Отечественные записки. 1859, № 1.
8. Записка В.И. Даля. // ГАРФ, ф. 109, о. 3, д. 1973.
9. Записка Унковского и Головачёва по поводу первых двух рескриптов. // ГАРФ, ф. 109, о. 3, д. 1960.
10. Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860 – 1880 гг.). Саратов: Изд-во СГУ, 2004.
11. Корвин-Круковский П. О выкупе крестьян. // Отечественные записки. 1859, № 4.
12. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993.
13. Кривонос М. Мятежное земство. Тверь: ЗАО «Литера – М», 2001.
14. Нарышкин А. К. Участие М.М. Нарышкина и других декабристов в подготовке и проведении Крестьянской реформы 1861 года. М.: ГПИБ, 2011.
15. Наумов А.С. Российский либерализм: истоки, содержание, влияние на социально-экономические процессы в стране (конец 18 – начало 20 веков). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2007.
16. Неелов Д. О личном и общинном владении землёю. // Русский вестник. Т.16, 1858.
17. Нестеров. Мысли об экономическом и полицейском устройстве увольняемых помещичьих крестьян (статья, не допущенная цензурой к публикации в журнале «Атеней»). // РГИА, ф. 772, о. 1, ч. 2, д. 4762.
18. Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М.: Алгоритм, 2003.
19. ОПИ ГИМ, Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
20. Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Рязань, 1903.
21. Поддубная Р.П. Юрий Фёдорович Самарин. Самара: Офорт, 2011.
22. Попов И.П. Либеральное движение провинциального дворянства в России. Дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1974.
23. Пустарнаков В.Ф. Либерализм в России. Казань: Печатный Двор, 2002.
24. Репинецкий С.А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856 – 1860 годов. М. – Самара: СамНЦ РАН, 2010.
25. Русское общество 40 – 50 – х годов XIX века. Часть 1. Записки А.И. Кошелева. М.: МГУ, 1991.
26. Савельев А. Замечания о преимуществе поземельной собственности перед общинным владением. // Экономический указатель. 1857.
27. Сидорова Т.А. Калужское земство 1865 – 1918. Калуга: Символ, 1996.
28. Смирнов Ф. По вопросу об улучшении быта помещичьих крестьян. // Отечественные записки. 1858, № 5. Т. 118.
29. Современная летопись. Русский вестник. Т.14, 1858.
30. Соловьёв Я. О поземельном владении в России. // Отечественные записки. 1858, № 9. Т. 120.
31. Унковский А.М. Соображения по докладом редакционных комиссий. // Голоса из России. Т. 9.
32. Чернышов В. А.М. Унковский: жизнь и судьба тверского реформатора. Тверь, 1998.
33. Offord D. Nineteenth-Centure Russia. Opposition to Autocracy. L., N-Y., 1999.
34. Walicki A. The Slavophile Controversy. History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Centure Russian Thought. Indiana: University of Notre Dame Press, 1989.